ЗАГАДКА РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ

Пролетели новогодние праздники, и 1982 год, неумолимо отсчитывая дни, завершал свой первый месяц. Подходило к концу и мое пребывание во Франции. До отъезда в Ленинград оставалась неделя.

Сговариваюсь с давнишней знакомой Элизабет — она была директором лицея — о посещении нескольких библиотек.

Меня давно интересовал вопрос: отчего многие французы, когда их спрашиваешь, какую литературу они предпочитают, говорят: «Мы не читаем».

Это, конечно, преувеличение, но и в самом дело значительная часть населения читает мало. Увы! Книгу вытесняет телевизор. Не очень активными читателями слывут средние слои общества; молодежь выбирает развлекательную литературу, школьники смотрят специальные серии различных изданий в картинках, где почти отсутствует текст.

Кстати, в больших книжных магазинах в отделах детской книги можно видеть школьников, сидящих около полок на полу и читающих сколько душе угодно те же разрисованные повести или сказки. Это уже по вкусу. Прочитав полюбившуюся книгу, ее ставят на место. В такой форме дети часто знакомятся с литературой, не обременяя родителей расходами на покупку. Книги дороги, составить домашнюю библиотеку может позволить далеко не каждый. Хорошая проза, поэзия доходит до некоторых кругов интеллигенции и доступна, по существу, обеспеченным людям.

Ну хорошо, покупать книги накладно, но существуют ведь еще библиотеки.

И вот мы входим в библиотечный зал города Монморанси, насчитывающего около двадцати тысяч жителей. В муниципальной библиотеке два работника. В просторной светлой комнате на стеллажах расставлены книги. Сколько? На этот вопрос библиотекарь не смогла ответить точно. По-моему, не очень много. Читателей, как с гордостью сообщила администратор, у лих около 800! Чтобы записаться и библиотеку, нужно заплатить определенную сумму, а затем за каждую взятую на дом книгу взимается по одному франку. Книги выдаются, как правило, на пятнадцать дней.

- Что читают ваши книголюбы? интересуюсь я.
- В основном американские детективы и фантастику
- Вы разрешите взглянуть на полку русских авторов? (Да, не густо.) Что у вас есть из советской литературы?
 - У нас нет ни одной книги...
 - А кто ваши читатели? Их социальное положение, образование?
 - Вы знаете, во Франции подобные вопросы задавать не принято.

Больше часа я провела в библиотеке, и читателей, которые приходили туда, можно было не спрашивать об их социальном положении. Это были

представители обеспеченных кругов. Позднее я узнала, что, по наблюдениям французских социологов, 75 процентов рабочих не читают никакой литературы.

На следующий день в Париже Элизабет ознакомила меня с работой частного клуба, где она возглавляет небольшую библиотеку. В клубе размещены многочисленные секции: здесь занимаются искусством, живописью, физкультурой, йогой, имеется отдел информации. Если надо размножить учебные пособия или нужные бумаги — к услугам посетителей ксерокопировальная машина. Существуют также группы по изучению иностранных языков. Кроме того, в двух залах, заставленных столиками, собираются любители игры в бридж. Клуб организован на частные средства, члены его принадлежат к категории «третьего возраста», то есть пенсионного. Всех их объединяет профессия — в прошлом это педагоги.

В одной из аудиторий через открытую дверь я заметила на классной доске несколько предложений на русском языке.

— Здесь изучают русский?

В пустом классе, уткнувшись в тетрадь, у окна стоит пожилая женщина. Она поворачивается, услышав наши голоса.

- Вы преподавательница русского языка?
- Нет, я ученица.

Узнав, что я приехала во Францию из Ленинграда и вскоре уезжаю на родину, моя собеседница вдруг заволновалась.

— Не знаю, с чего и начать, — неуверенно проговорила она. — Вот уж не предполагала... Послушайте одну историю, думаю, она вас заинтересует. Дело в том, что во время войны я участвовала в движении французского Сопротивления в Бретани. Помню, это было весной сорок пятого. Я работала в столовой. Однажды спустилась в подвал, где хранились одежда, кое-какие бумаги. Складывая шинели, кители, галифе, я заметила тетрадь. Машинально открыла, перелистала, а затем, завернув свою находку в бумагу, отнесла домой. Знаете, почему я стала изучать язык?

Слегка пожимаю плечами.

- Потому что в тетради, которую я нашла, записи на русском! На первой странице красным карандашом нарисованы мужчина и женщина и подпись «Партизаны». Это единственное слово, что я сумела понять. На втором плане Кремль со звездой на шпиле. Тот, кто писал в тетради, обладал каллиграфическим почерком, а по рисункам видно, что речь идет о войне. Мне кажется, что это дневник русского офицера. Там названа фамилия, но разобрать ее...
- Мадам, обратилась я к собеседнице, не сможете ли вы принести тетрадь и не согласитесь ли показать ee?
- Следующее занятие у нас в среду. Приходите к девяти я принесу тетрадь.

В тот же день я встретилась со своей знакомой Жаклин, высокой, изящной, настоящей парижанкой. У нее зеленоватые, чуть грустные глаза, круг ее интересов философия, психология. В течение многих лет мы

переписывались, и вот любуемся Триумфальной аркой, которая теперь уже смотрится только в постоянном окружении движущегося потока автомобилей. Невозможно представить этот памятник стоящим на пустынной площади Этуаль. У могилы Неизвестного солдата — вечный огонь, цветы, венки.

Вечный огонь, вечный солдат, вечная память...

Рассказываю Жаклин о тетради. Жаклин не знает, что такое война, она родилась после нее, но, видя мне волнение, тоже не остается равнодушной.

- Почему вам так важно увидеть тетрадь? Сколько лет прошло! Наверное, даже родственников не осталось.
 - Важно, чтобы память сохранилась.
 - Хотите, я пойду с нами в клуб?
 - Спасибо, Жаклин! Я сжала ее локоть.

В назначенный день, в девять утра мы встретились в клубе. Владелица тетради с некоторым смущением стала объяснять, что, размышляя о нашем разговоре, она поняла, что прочесть дневник ей не удастся.

Возраст солидный, сил и здоровья почти никаких.

— Я решила подарить тетрадь...

Неужели! Так горяча была мелькнувшая мысль, что на секунду я упустила нить разговора.

— ...Теперь это уже не моя тетрадь, а преподавательницы русского языка мадемуазель Приер. Она знает, что вы придете сегодня.

Такой поворот был совершенно неожиданным.

— Может, если вы не против, мадам, мне проще спять копию, ведь ксерокопировальная машина имеется в клубе.

Моя собеседница покачала головой: фиолетовые чернила и карандашные рисунки вряд ли воспроизведутся...

Жаклин остается в вестибюле, а я поднимаюсь в класс. Знакомлюсь с молодой, очень энергичной женщиной. Она вынимает из портфеля завернутую в белую бумагу тетрадь.

В классе двенадцать человек, изучающих русский язык: десять женщин, двое мужчин. Урок посвящен истории Московского Кремля и Красной площади. Необычно слышать о церкви Василия Блаженного, Сторожевой башне, Кремлевских часах и рубиновых звездах в пересказе иностранцев.

Несколько секунд сижу, не решаясь раскрыть дневник. Затем осторожно разворачиваю обложку. Обычная общая тетрадь серого цвета, пожелтевшая от времени бумага. На картонной обложке ценя — 1 р. 20 коп, 96 листов.

Открываю первую страницу. В правом верхнем углу нарисован поезд. На этом же листе изображены партизан и партизанка. За ними Кремлевская башня с пятиконечной звездой.

Быстро перелистываю тетрадь, успеваю заметить названия месяцев: июль, август и т. д. Это было почти невероятно, но передо мной лежал несомненно подлинный

ежемесячный журнал за 1942 год!

...Почему-то в аудитории все заговорили разом. Прислушиваюсь. Оказывается, ученики спорят, действительно ли на башнях Кремля звезды из настоящего рубина, и украдкой поглядывают в *мою* сторону.

Сорок лет назад большинству из них было от двадцати до тридцати. Они, конечно, помнят горькое поражение своей страны, и многим в то время победа нацистской Германии в Европе казалась неизбежной.

По Красной площади — гордости советского народа — осенью 1941 года Гитлер планировал провести парад своих «непобедимых» войск. Тогда же должны были погаснуть и рубиновые звезды. Но советский народ в кровопролитных боях отстоял независимость своей Родины, принес освобождение народам Европы от ига фашизма. Кремлевские звезды продолжают светить, доказывая необратимость исторических событий.

Поглядев еще раз на карандашный рисунок, подтверждаю, что все кремлевские звезды подлинно рубиновые, и вновь погружаюсь в 1942 год.

В тетради двадцать заметок. Начинается журнал с письма секретаря ЦК КП (б) Белоруссии П. Пономаренко — «Об активизации действий партизанских отрядом в тылу врага». Далее четыре заметки, объединенные заголовком «Рассказы о героях».

Партизаны дают клятву погибшим товарищам политруку Терешко, майору Кодычу и пятнадцатилетнему партизану Александру Кабину. Юноше посвящены стихи — одиннадцать куплетов. Сколько горечи в этих заметках!

С волнением читаю статьи, где говорится, что в июле 1942 года партизанские соединения Кличевского района были окружены немцами. После тридцатидневных упорных боев командование партизанского оперативного центра дало приказ об отходе в другие лесные массивы.

Об этих трудных днях нахожу в журнале статью партизана Липакина: «В лагере нашего отряда осталось не более шестидесяти человек. Кончились продукты. Командир приказал зарезать лошадь. Было много раненых. Нельзя оставить их на поругание врагу: лучше погибнуть вместе — так думали все бойцы».

Окружение! Каким тяжелым грузом лежит оно в памяти. Понять это до конца может лишь тот, кто пережил вражескую блокаду, кому удалось вырваться из клещей, из кольца, из осады.

Июль сорок второго... Почти год, как Белоруссии оккупирована. Опять листаю тетрадь, разглядываю рисунки, записываю имена, названия деревень, городов, станций — знакомые все места. После войны мы с семьей много раз бывали в Белоруссии и проезжали неоднократно по этим дорогам... В памяти возникла мирная картина скошенных нолей. Издалека доносится тарахтение трактора, а между копнами сена разгуливают аисты. Испокон веков, доверяя людям, белые птицы селились рядом с ними. По народному поверью, они приносили счастье.

Все это было сметено в 1941 году. Оккупанты намеревались превратить белорусский край в мертвую пустыню, уничтожая города, села, мирных жителей.

...Отгремели бои, кончилась война, вернулись люди, чтобы поднять из руин свои деревни, города. Но на мирной земле еще долго рвались снаряды, бомбы, мины. Где только не звучало гулкое эхо войны! Вот и тетрадь, эта живая летопись, — тоже эхо, неожиданно высветившее суровую историю военного времени... Как она попала во Францию?

Продолжаю бегло переписывать заметки журнала. Они посвящены боевым делам отряда. Партизаны поджигают десять цистерн с горючим. Разведывательная группа партизан-диверсантов уничтожает шесть вражеских эшелонов. Прочитав заметки «Не пройдут», «Контрудар», «Молодцы ребята», быстро конспектирую их. Заканчивается первая часть — журнал № 3.

Четвертый помер начинается с передовой статьи. Полностью приведен текст приказа Народного комиссара обороны И. Сталина от 7 ноября 1942 года. Чуть ниже красным карандашом выделено большими буквами: «Нашим партизанам и партизанкам слава!»

На территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны действовали сотни партизанских отрядов. Какому из них принадлежал журнал? Какова история отряда?

Перелистываю страницу и подробно записываю заметку комиссара М.Ф. Сперанского о том, как бойцы сумели прорваться сквозь еще одно вражеское кольцо осенью 1942 года.

И вдруг... вижу номер партизанского отряда. Журнал принадлежал 128-му отряду «Гроза». «За патронами», «По фашистам огонь» — этими двумя корреспонденциями кончались № 3 и 4 «Партизана-диверсанта».

Оставалось около двух десятков чистых страниц, за которыми обнаруживаю корешки листов, аккуратно отрезанных бритвой. Кому выдавался драгоценный листок? На письма, заявления о приеме в комсомол, партию? Это было трудное время потерь и одновременно высоких подвигов.

Вновь просматриваю внимательно тетрадь с самого начала.

Постоянными членами редколлегии журнала «Партизан-диверсант» были: М. С. Середюк, В. Т. Шумилин, Л. А. Астафьев. В перерывах между боевыми операциями, видимо, они собирали заметки, редактировали их.

Текст написан красивым, твердым почерком. Ни единой помарки, подчистки.

У художника всего три цветных карандаша — красный, синий и светлозеленый. На листке ученической тетради резинкой не попользуешься. Да и
была ли резинка?! Рисунки лаконичны, выразительны. Чувствуется, что автор
до войны занимался рисованием. Может, мечтал в дальнейшем посвятить себя
искусству? Если ему это не удалось, то свое слово он все-таки сказал, и
дарование его в те годы послужило народу.

Удастся ли узнать историю 128-го отряда «Гроза»? Смогу ли я найти кого-нибудь из бывших партизан? Ведь уже переписано несколько десятков фамилий — должны же быть живые свидетели!

Записываю названия деревень, где воевали партизаны, где погибали... Погибших хоронили недалеко от деревни Красное. В разведку ходили в деревню Войтюхово, бои вели в Развадове, Суше, а чтобы раздобыть патроны,

перебирались за Днепр, При этом обозы пересекали Березинский, Кличевский, Кировский, Рогачевский, Буда-Кошелевский, Журавический районы.

Да, белорусские леса служили партизанам надежным убежищем. «Обязательно надо съездить в те места!» — мелькнула у меня мысль. И тут слышу голос преподавательницы: «Заканчиваем занятия».

Неужели прошло столько времени? Начинаю лихорадочно листать журнал. Может, что-нибудь важное упустила, не заметила? Самым главным мне казалось выписать все фамилии, указанные в тексте. Затем места, где проходили бои, названия заметок. Потом основное их содержание. За два академических часа удалось переписать более трех четвертей текста. Думала пересказать содержание зарисовок, не успела. Сейчас верну тетрадь, через два дня уеду из французской столицы на родину, и кто знает, что станется с партизанским журналом?..

Мадемуазель прячет тетрадь в портфель-дипломат, мы прощаемся, и она выходит из класса.

Собираю заполненные скорописью листы, спускаюсь в вестибюль, где меня терпеливо ожидает Жаклин, и мы покидаем клуб. А затем на улице Мира в кафе, где мы пьем чай, я перевожу Жаклин свои записки из отрядного журнала. Когда я прочла стихи, посвященные памяти пятнадцатилетнего партизана, Жаклин задумчиво произнесла:

— Юному герою было столько же лет сколько сейчас моему Жану...

Мы долго молчим. Затем говорим о Сталинграде, Ленинграде, партизанском движении в нашей стране, о французском Сопротивлении, о советских летчиках, таранивших фашистские самолеты, об эскадрилье «Нормандия-Неман». В белорусском небе русские и французские летчики сражались против общего врага. Спустя три десятилетия в Ленинградском доме дружбы и мира пересеклись пути бывшего командира французской эскадрильи генерала Пьера Пуйяда с членами Общества «СССР—Франция». На память об этой встрече прославленный летчик написал мне несколько дружеских слов.

А теперь совершенно случайно во французском клубе я узнаю о существовании рукописного партизанского журнала!

На следующий день, отмечая выездную визу в советском консульстве, я рассказала о необычной находке одному из сотрудников консульства. Да, поскольку тетрадь принадлежит частному лицу, все не просто: частная собственность почти священна, и каждая вещь имеет свою стоимость. Даже при безвозмездной передаче необходимо выполнение определенных. формальностей. — Ну что ж, до будущего приезда! — улыбнулся мой собеседник.

Утром, складывая вещи, обнаруживаю половинку листа из блокнота. На нем записан семизначный помер и фамилия. Закружился диск телефона, *а* после долгих гудков слышу далекий усталый голос своей знакомой.

- Мадам Смит, через два часа я уезжаю в Ленинград. Позвольте поблагодарить вас за сбереженную тетрадь и предоставленную возможность переписать ее.
- Мне кажется, ответила она медленно, я поняла основные черты, присущие русскому народу: это доброта и терпение.
 - ...Если бы, мир удалось отстоять благодаря только этим качествам!

И вот Ленинград, библиотека Академии наук. В Белорусской советской энциклопедии отыскалась довольно подробная справка о возникновении 128-го партизанского отряда, действовавшего в годы войны в Могилевской области. Начало поиска вселило надежду.

В течение нескольких недель изучаю документы, очерки, литературу, посвященные партизанскому движению в Белоруссии. Написанные в разные годы книги широко известных советскому читателю авторов: А. Адамовича, В. Быкова, В.Васильева, С. Смирнова и других — подняли пласт в истории Великой Отечественной войны.

...Стоит насмерть гарнизон Брестской крепости. Повсюду идут упорные бои. Войска Красной Армии ожесточенно сражаются против фашистских полчищ, но бронированная лавина продвигается на восток. В сентябре 1941 года Белоруссия захвачена оккупантами.

В документальной повести Петра Викторчика «Над Ольсой-рекой» описываются действия подпольной партийной группы в первые месяцы войны.

...В Кличевском районе Могилевской области по деревням и селам ходили связные, созывая на районное партийное собрание коммунистов и тех, кому можно было довериться. 14 июля 1944 года партийное собрание состоялось прямо на улице, около разрушенной больницы. Коммунисты рассказали о создавшемся тяжелом положении, избрали членов бюро подпольной партийной организации, и сразу после собрания началась запись в партизанский отряд. Сформированная группа в тот же день получила первое крещение в вооруженном нападении на колонну вражеских автомашин. Среди населения быстро распространился слух: «В районе появились партизаны!» Партизанский отряд постоянно пополняется за счет вырвавшихся из вражеского плена красноармейцев и командиров, пробивающихся из окружения военнослужащих, а также местного населения.

Вскоре к отряду примкнула группа политрука М. Ф. Сперанского из тринадцати человек, а через несколько дней — еще восемнадцать бойцов. И тогда существующий отряд разделился на три. Один из них — 128-й отряд «Гроза». Михаил Федорович Сперанский становится его комиссаром, а Василий Павлович Свистунов — командиром.

Елецкий, Сперанский, Свистунов, Середюк, Чернов — на страницах Белорусской советской энциклопедии и в партизанском журнале, обнаруженном во Франции, упоминаются те же фамилии.

Из энциклопедии узнаю, что отряд вместе с другими партизанскими соединениями принимал участие в разгроме немецких гарнизонов в Кличевском районе. Перечислены города, железнодорожные станции, вблизи которых вели операции партизаны.

Весной 1942 года 128-й и 129-й отряды объединились в партизанскую бригаду. А летом 1943 года в составе этой 14-й Темнолесской бригады

образовали еще два отряда — 127-й и 126-й. В октябре того же года бригада, насчитывающая 1065 бойцов, на реке Сож соединяется с частями Красной Армии и вместе с 269-й стрелковой дивизией идет на запад до Победы!

Такова вкратце история отряда-бригады.

О том, что рукописный журнал партизанского отряда «Гроза» являлся подлинным документом, мне стало ясно буквально через несколько минут после прочтения. Но об этом знала только я. Для остальных переписанные листы оставались копией, просто копией. Нужны доказательства подлинности. Энциклопедия подтвердила факт существования 128-го отряда. Надо отыскать живущих поныне партизан этого отряда. Только они могут подтвердить достоверность событий, описанных в журнале.

Посылаю письма в Партийный архив Института истории партии при ЦК КПБ и редакцию газеты «Советская Белоруссия». Излагаю историю рукописной тетради, задаю ряд вопросов, среди которых спрашиваю о политруке 128-го отряда Владимире Ивановиче Терешко, погибшем 2 июля 1942 года.

Из партизанской тетради следовало, что политрук Терешко отмечен Советским правительством высшей наградой. Просматриваю ведомости Верховного Совета СССР за 1941 — 1942 годы — фамилии Терешко нет. Запрашиваю: какие сведения имеются в архиве? Получаю из Минска ответ: «По данным отдела наград Президиума Верховного Совета БССР Терешко награжден орденом Красного Знамени и медалью «Партизану Отечественной I степени» посмертно. Сведений о присвоении ему Героя Советского Союза не имеется».

В том же письме сообщены адреса Степана Григорьевича Елецкого, бывшего начальника штаба 128-го отряда, а затем командира бригады, и комиссара Михаила Федоровича Сперанского.

Срочно обращаюсь к ним, и вскоре приходит ответ от Анастасии Александровны Елецкой. Она пишет, что ее муж Степан Григорьевич Елецкий умер в 1974 году. «Был он человеком скромным и о партизанских делах редко рассказывал». Но номер партизанского удостоверения мужа Анастасия Александровна помнит. В письмо вложена фотография Степана Григорьевича — обычный любительский снимок. На традиционной встрече ветеранов войны жители Чаусского района Белоруссии подносят Елецкому хлеб-соль. Улыбается бывший начальник штаба. Лицо доброе, хорошее, в облике Степана Григорьевича чувствуется надежность.

Вспоминаю отрывок из рукописного журнала, где говорится, как в трудные дни 1942 года начальник штаба Елецкий сумел вывести партизан из вражеского окружения. Анастасия Александровна сообщила около десятка адресов бывших партизан. Это было существенной помощью.

Приблизительно в то же время газета «Советская Белоруссия» поместила заметку «Перекличка боевых друзей», в которой рассказывалось об обнаруженной во Франции партизанской тетради и перечислен ряд фамилий. На обращение газеты и на письма откликнулись В. Ф. Градунов, М. В.

Малахов, М. А. Синюкаев, М. Г. Федоров, Н.И.Чернов, П. М. Ясский и семья Елецких.

Одним из первых ответил из Севастополя Николай Иванович Чернов. Письмо Николая Ивановича датировано 2 июля 1982 года. В приметы не верю, но совпадения бывают удивительные. Именно второго июля — сорок лет назад — погиб в бою с врагами Владимир Иванович Терешко. В ту пору Чернов был командиром взвода, и он помнил, что Володю представляли к правительственной награде. «Это был действительно отважный политрук взвода», — пишет о погибшем партизане Н.И.Чернов.

В рукописной тетради Терешко посвящена одна статья, но с помощью писем удалось дополнить образ героя-политрука.

Речь пойдет о событиях первой военной зимы. Они связаны с Терешко и объясняют, как Володя попал в партизанский отряд «Гроза».

Трое учителей — Захар Кондратьевич Бойко из деревни Новые Наборкн Кличевского района, Владимир Терешко и Булах (кажется, оба из деревни Старые Максимовичи) — во время оккупации работали в школе села Селиба.

Через Бойко Михаил Алексеевич Синюкаев наладил связь с учителями. С большим риском он возил сухие батареи для радиоприемников. В Селибе был крупный вражеский гарнизон. Когда его на постах останавливали для проверки, Михаил Алексеевич охотно объяснял, что везет самогон. Тут же доставал бутыль-другую, одаривал гитлеровцев, и те беспрепятственно пропускали.

Учителя организовали прослушивание московских радиопередач. Из сводок Совинформбюро патриоты, находившиеся в тылу врага, с тревогой узнавали о новых направлениях на советско-германском фронте: Калужском, Ржевском, Волоколамском... Долгие месяцы гитлеровская пропаганда вещала, что судьба русской столицы предрешена. И вот 12 декабря 1941 года радио передало, что войска Красной Армии перешли в контрнаступление под Москвой.

Победа под Москвой! Рухнул миф о непобедимости немецкой армии. Для партизан и местного населения это была самая радостная и главная новость. Она придала силы и веры в то, что скоро наступит освобождение от немецкой оккупации и Белоруссии. Быстро распространилась добрая весть среди местного населения, переходя из дома в дом, из деревни в деревню.

Гитлеровцы начали проводить обыски и в школе, где ночевал Булах, обнаружили радиоприемник. Учителя схватили и расстреляли. Жители деревни Новые Наборки рассказывали, как Булаха под конвоем вели: «Через всю деревню шел таким молодцом! Невозможно даже было представить, что он доживает последние минуты».

После провала группы Бойко и Терешко ушли в 128-й отряд, где стали политруками рот.

Прежде чем сопоставлять отрядный журнал с письмами партизан, замечу, что истории создания рукописных изданий партизан Белоруссии в годы Великой Отечественной войны посвящено исследование Г.Д. Кнатько.

Историк изучила уцелевшие рукописные журналы. По ее мнению, первые номера партизанской периодики появились в Могилевской области, то есть там, где воевал и 128-й отряд. Журналы — а это, как правило, один экземпляр — пользовались большой популярностью, и их читали и перечитывали вслух по подразделениям. С 1942 года рукописные журналы стали частично поступать в архивы, но многие экземпляры оставались в отрядах. От времени и походных условий они, естественно, ветшали, далеко не все удалось сохранить. Надо учесть, что и бумага была низкого качества, иногда ее заменяли обои. Известен случай — в одном из партизанских отрядов бойцы писали заметки на бересте!

Из журналов 128-го отряда Темнолесской бригады уцелело всего два экземпляра и только за 1943 год. Хранятся они в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КПБ в Минске и в Центральном музее революции СССР в Москве.

В исследовании Г. Д. Кнатько чрезвычайно важным является утверждение, что «Журналы создавались как документ, как исторический памятник, по следам событий, самими участниками этих событий, что превратило их в надежный, достоверный исторический источник!»

* * *

:Документ! Исторический памятник, достоверный источник! Общая тетрадь в серой обложке. В ней уместилось целых пять месяцев жизни партизанского отряда!

Первая заметка о белавичском бое. Пишет партизан Иван Рысьев.

...Политрук Терешко Владимир Иванович 2 июля двигался с обозом по направлению Березияо — Ухваля — Белавичи для встречи с группой майора Кодыча. Вблизи деревни Белавичи партизаны заметили немцев и стали их преследовать. Но фашисты успели укрыться в деревне и организовать оборону.

«...Уже во время боя Володя показал знаками, что нужно зайти за сарай и перезарядить диски. Огонь на время прекратился. Вдруг я услышал крик и обернулся. Володя медленно падал.

— Володя, что с тобой?

Он ничего не успел ответить. Мне хотелось кричать, но я в длинную пулеметную очередь вложил всю свою ненависть к врагу».

Володя прожил недолго, но о таких, как он, слагают песни и бережно в народе сохраняется память. Границами его жизни стали две мировые войны. Родился Терешко в 1914 году — погиб в 1942 году.

Прочитав эту заметку еще во Франции, думала ли я, что через полгода получу письмо от бывшего командира взвода 128-го отряда Михаила Алексеевича Синюкаева, детально описавшего бой в деревне Белавичи.

...Терешко вел огонь из ручного пулемета через оконце хлева. Володя получил смертельное ранение. Чрезвычайно редкий случай — пуля попала ему в рот. В сарае остались ребята. Михаил Алексеевич не помнит, кто еще был с

ним, а в рукописной тетради указано, что там находились Миша Толстик и Иван Рысьев — автор заметки. Надо было забрать Володю и всем уходить. Думали снять створку ворот и нести тело вчетвером. Но по открытой местности, на виду у немцев — значило потерять еще четверых. Тогда Синюкаев решил вынести Володю на себе. Он положил тело политрука на плечи. Шел медленно по картофельному долю. Нужно было пройти метров пятьдесят. Каждую секунду ждал выстрела.

В том же белавичском бою погиб начальник штаба майор Кодыч — прекрасный, изумительный человек! И как горько было терять таких людей!

Воспоминания партизана Синюкаева и запись в рукописной тетради почти совпадают.

Командир взвода вспоминает:

- «— Что с вами? Вы ранены, товарищ майор? Он лежит, стонет, а ранен разрывной пулей в живот.
 - Нет, я не ранен— убит».

А в заметке о последних минутах Александра Васильевича Кодыча, написанной Ф. Кучуруком после боя, говорится:

- «...Майор остановился на минуту, чтобы перевести дыхание. Затем он вырвался и крикнул;
- Вперед, за мной! и скрылся за углом сарая.

Резкий одиночный выстрел. Майор упал.

— Майор, вы ранены?

Во внезапно наступившей тишине ясно прозвучал прерывающийся голос:

— Нет, убит».

Майору Александру Васильевичу Кодычу было 40 лет. Опытный кадровый командир Красной Армии, он участвовал в боевых действиях зимой 1939—1940 годов. В Бобруйске он находился в январе 1942 года и в начале мая стал начальником штаба отряда «Гроза». Александр Васильевич страдал ревматизмом и ходил с палочкой.

Живет память о прекрасном мужественном человеке — майоре Александре Васильевиче Кодыче — и по сей день. Партизаны переписываются с вдовой Александра Васильевича.

Тогда же погиб пятнадцатилетний партизан Александр Кабин — Шурик, любимец отряда. Известно, что он родился в деревне Бацевичи Кличевского района. Шура отличался необыкновенной храбростью. По словам Синюкаева, фашисты уничтожили его родителей, и с того времени никто не видел его улыбающимся или смеющимся. Взгляд был серьезным и каким-то пронзительным. Но был «сын полка» все-таки мальчишкой!

Как-то Шурик участвовал в операции по уничтожению сбитого вражеского самолета. Его оставили присматривать за лошадьми, но Шура связал лошадей и незаметно вышел со всеми на опушку леса. По самолету открыли огонь, он загорелся. Поскольку некоторые кони были не обстреляны — они заволновались и так запутали эти Шурины узелки и связки, что, когда надо было срочно отходить, из-за коней получилась задержка — разрезали, распутывали скрутившиеся поводья, хотя счет велся каждой секунде. Шурика не ругали — поняли партизаны, что не мог он не выпустить свою обойму зажигательных пуль.

Трагической гибели подростка в бою за Белавичи посвятил стихи редактор журнала Борис Тихонович Шумилин. В них рассказано об отчаянной отваге Шурки, который дрался наравне со взрослыми, чтобы приблизить час расплаты. В последнем своем бою юный партизан, «стон глотая, зубы сжал, когда на него смерть из-за угла глядела... и он поднял наган рукой обожженной».

...Шурика ранило на околице деревни. Двое партизан поползли к нему, чтобы его забрать.

— Не ползите, не ползите! — всхлипывая и плача, в отчаянии повторял Шура. Только не допустить, чтобы из-за его беспомощности погибли друзья! Он не мог шевельнуться. Это был конец.

Именно этот трагический в безысходности момент описан в одном из четверостиший:

Мучительно хотелось пить, Крутнул нагана барабан, Он одного не мог забыть: «Я — красный партизан».

Бойцы услышали сухо прозвучавший выстрел, Шура сам решил свою судьбу. Была ли рана смертельной — этого никто не смог узнать: фашисты бросили тело героя в горящий дом.

«Бой в деревне Белавичи был очень тяжелым для нас,— вспоминал М.А.Синюкаев. — В тот день погибли шестеро партизан. Шесть гробов! Невиданное в истории отряда. Это было страшно, невыносимо жалко... Мы поклялись над их могилами мстить беспощадно!»

В рукописной тетради заметка так и называется — «Клятва».

... «Один за другим, все в цветах, проплывали гробы с телами погибших.

Кладбище недалеко от деревни Красное. В самом начале войны здесь были похоронены неизвестные герои. Рядом свежие могилы для наших друзей. Лица у всех суровы, у многих на глазах застыли слезы.

Спите спокойно, герои. Вы обещали сражаться с врагом до тех пер, пока бьется у вас сердце в груди. Обещание свое вы выполнили. Вы не дождались того момента, когда па освобожденной от немецких захватчиков земле зазвучат свободные песни,

Снова счастливо заживет белорусский народ. Клянемся, что, если понадобится, и, мы отдадим свою жизнь. Клянемся!» Перечитываю еще раз строки из отрядного журнала: «Кладбище недалеко от деревни Красное. В самом начале войны здесь были похоронены неизвестные герои...»

А сколько погибло потом?!

Рядом с письмами партизан, выписками из отрядного журнала, архивными документами и официальными справками на мой рабочий стол ложится карта Белоруссии.

К сожалению, деревню Красное обнаружить не удалось. Подумалось, что, вероятно, деревушка в масштабе карты из атласа СССР могла и не уместиться, но зато нахожу Березино, Ухвалы, Белавичи и отмечаю их кружочком. Выходит, деревня Красное где-то неподалеку... Теперь места боевых операций партизан 128-го отряда перестали звучать просто как географические названия — они получили точную привязку. А карта, пока я работала над рукописью, покрывалась все новыми пометками, словно это было в военную пору, когда отмечали флажками линию фронта.

Одиннадцатого сентября 1942 года партизанские подразделения участвовали в разгроме вражеского гарнизона, пишет Н. И. Чернов. Заметка небольшая, и в ней рассказано о том, как проходила боевая операция. Но она сразу запомнилась двумя фактами: возглавлял боевые действия партизан, прилетевший недавно из Москвы подполковник Спрогис, в бою погибла молодая разведчица Лена Колесова.

Попасть в эти края подполковник с группой мог только ночным десантным самолетом. В отрядной тетради об этом сказано вскользь, но чтото за строками угадывалось.

Возможно, о Спрогисе и Колесовой помнит М. А. Синюкаев. Ведь он упомянут в числе участников боя.

Отправляю в Москву очередное письмо.

Из ответа Михаила Алексеевича, а впоследствии и архивной справки Института истории партии при ЦК КП Латвии узнаю:

Артур Карлович Спрогис родился в Риге в 1904 году. Шестнадцати лет вступил в партию. В двадцатые годы работал вместе с Дзержинским, охранял Ленина. В тридцатые воевал в Испании. Награжден боевым орденом. В годы Великой Отечественной войны был командиром части по подготовке разведчиков-десантников для работы во вражеском тылу.

Первые сведения о Колесовой — по совету Синюкаева — нахожу в Белорусской советской энциклопедии. Ну а дальнейший поиск не представлял большого труда. В сборнике «Героини войны», выдержавшем несколько изданий, рассказано о патриотках, Героях Советского Союза.

Перелистываю не просто книгу, а страницы истории. Сначала внимательно разглядываю портрет семнадцатилетней разведчицы. Короткая

стрижка, чистые, чуть задумчивые глаза и безупречной белизны блузка — такой Зоя Космодемьянская сохранилась в памяти нашего поколения с детства, такой осталась и по сей день.

С другой фотографии военных лет на меня смотрит одухотворенное, волевое лицо Лены Колесовой. Кажется, такие разные, а выбрали они в суровое для страны время один путь для борьбы с врагом: обе девушки занимались в разведывательной школе под руководством Спрогиса.

Необычна судьба молодой разведчицы Колесовой. До войны она училась во 2-м Московском педагогическом училище.

Но наступил грозный час, и Лена — участница обороны Москвы. Далее она попадает в разведывательную часть и в конце 1941 года несколько раз переходит линию фронта. Затем Колесову посылают на оккупированную территорию Белоруссии. С мая 1942 года отважная разведчица становится командиром боевой группы, действующей в Бобруйском и Крупском районах.

У Лены лучистые глаза, располагающая хорошая улыбка. Высокая, стройная. Требовательная к своим подчиненным (в группе были только девушки), Лена в двадцать два года казалась прирожденным командиром. Среди немцев о Колесовой ходили легенды. Смелые, рискованные операции девушек-разведчиц приводили фашистов в неистовство, а неуловимая «русская командирша» со своей группой так досаждала оккупантам, что за со голову немецкими властями была назначена цена — тридцать тысяч марок! Много раз смотрела Лена смерти в лицо.

О военных подвигах Колесовой написано немало. Остановлюсь лишь на ее последнем бое одиннадцатого сентября, о котором мне стало известно из рукописной тетради и воспоминаний Синюкаева и Чернова.

...В тот сентябрьский день командование приказало уничтожить вражеский гарнизон в деревне Выдрица. В операции принимали участие отряд Свистунова и 277-й отряд И.З. Изоха. Возглавлял боевые действия Спрогис. С ним была группа разведчиков, куда входила Лена Колесова.

Бойцы 128-го отряда захватывают мост и врываются в деревню. Отряду Изоха поручено подавить огневые точки. Неприступным оставалось лишь здание школы, где сосредоточились основные силы карателей. Отсюда непрерывно они поливали огнем партизанские цепи. Пришлось залечь. Пока прикидывали, как справиться с задачей, кто-то обратил внимание, что от группы отделилась женская фигурка.

Что задумала Лена? Может, хотела с близкого расстояния бросить гранату?

Партизаны с тревогой следили за девушкой. Михаил Алексеевич вспоминает, что на Лене была надета клетчатая кофта с короткими рукавами, а на спине — небольшой заплечный мешок.

Кто-то не выдержал:

— Лена! Куда? Вернись!

Девушка приподнялась, и в тот же миг вражеская нуля сразила ее. Гибель отважной разведчицы потрясла всех. Командир крикнул: «Отомстим за Лену!» — и отдал приказ минометчику:

— По доту огонь!

Были верный глаз и твердая рука у бойца. Первая же мина заставила замолкнуть огневую точку.

Партизаны поднялись с криками: «За Лену! Вперед!» Бой закончился полным поражением вражеского гарнизона. Никто из гитлеровцев и их приспешников от возмездия не ушел. В 1944 году Лене Колесовой было присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронена К. Ф, Колесова в Крупках. Прошли десятилетия, но жива память о славной героине. Ее именем названы улица, школа № 2 и колхоз в районе.

В 1967 году в Крупках установлен памятник Герою Советского Союза Елене Федоровне Колесовой.

В 1942 году партизанское движение в тылу врага принимало все более организованный характер. Помимо борьбы с немецкими гарнизонами, уничтожения обозов, бойцы начали битву на рельсах. На первых порах — зимой 1941 — 1942 годов — патриоты отвинчивали гайки, снимали шпалы, разбирали железнодорожный путь. Но разрушенное полотно гитлеровцы быстро восстанавливали. Требовались другие методы борьбы. В партизанском отряде появилась группа минеров-подрывников. Как правило, техника подрыва была одинакова. Отряд из пяти человек получал пятнадцать килограммов тола и мину со взрывателем. Если операция по минированию заканчивалась благополучно, то летел под откос эшелон, разрушались пути, насыпь, и движение поездов по магистрали на некоторое время прекращалось. Но не всегда была взрывчатка, поначалу не хватало сноровки, а необходимый опыт приобретался ценою проб и неизбежных ошибок.

...Как-то «сработали» партизаны мину килограммов на 18—20 и решили испытать ее в действии. Участники операции залегли у железной дороги и стали ожидать состав. Взрывателем к самодельной мине служила немецкая граната, от которой шел шнур, намотанный на короткую палочку. Все с нетерпением поглядывали на пустынный железнодорожный путь. Наконец показался поезд. Когда он подошел совсем близко — решили рвануть. Но вощеный шнур слипся, и клубок сильно запутался.

«Трудно сказать, — пишет Михаил Алексеевич Синюкаев, — чем мы руководствовались, но помню, как прокричал Мелицкому:

- Иван, я рву!
- Давай!

Раздался сухой щелчок — мина не сработала. А если бы взорвалась? Такая масса взрывчатки сгибает стальную ось передних колес паровоза. Отбежать же от насыпи за несколько секунд вряд ли удалось бы».

За рискованную диверсию «на рывок» получили партизаны от командира отряда великий нагоняй.

Со временем подрывные действия на железной дороге усложнялись, и от подрывников требовались предельная собранность и мужество.

О том, как удалось провести диверсию па магистрали Минск — Москва, рассказал в письме партизан М. В. Малахов.

...Бойцы внимательно изучили подходы, в сумерках доползли до железнодорожного пути и укрылись в лесозащитной полосе. Слева располагался укрепленный пункт. От насыпи они находились метрах в двадцати, но составы шли без огней, и определить расстояние было трудно.

Поезд Малахов и Владимир Иванович Медведев увидели, когда до него оставалось около трехсот метров. Медлить некогда. Мгновенно поднялись и побежали. И здесь случилось то, чего они не предполагали. Под ногами у них оказались проволочные петли, к ним были привязаны «побрякушки» — пустые консервные банки. Зацепившись, Малахов с миной в руке упал. О том, что сами могли взорваться, не думалось. Быстро освободились от проволоки, в рельсах заложили взрывчатку, закрепили мину, вытащили чеку. Мина заработала в боевом положении. Поезд подошел совсем близко. Нужно быстрее уходить. В запасе всего пять секунд! Едва партизаны успели отбежать за лесопосадку, как последовал огромной силы взрыв. Воздушной волной их сбило с ног. Через головы летели обломки, взрывы следовали один за другим. Рвались в вагонах боеприпасы. Были слышны крики немцев, началась беспорядочная стрельба. Едва партизаны попытались встать, как очередная взрывная волна свалила их опять. Пришлось ползти метров двести и потом скрыться в лесу...

Минирование железных дорог стало одной из важных задач отрядов. «Что же было самым сложным и больше всего запомнилось в проведенных операциях?» — спрашиваю М. Синюкаева. Ответ прозвучал весьма лаконично: «Непредвиденные ситуации. И не обязательно трагические!»

Однажды в одну из холодных осенних ночей, под проливным дождем группа партизан вышла на боевое задание. Пятеро бойцов: В. И. Медведев, Г. К. Войко, П. М. Доценко, В. Т. Шумилин, Кучерук (он же автор заметки в партизанском журнале), дожидаясь в лесу рассвета, страшно промерзли. Молча сидели под большой елью, прислушиваясь к каждому шороху. К утру, когда дождь прекратился, партизаны нашли закрытое, безопасное местечко и развели костерок. Все потянулись к огоньку. Когда немного отогрелись, решили подкрепиться. Достали из мешка хлеб, за водой далеко идти не пришлось. Медведев первым откусил от краюхи и вдруг стал давиться. Оказывается, во время торопливых сборов буханку положили в мешок с толовыми шашками, и она покрылась желтым налетом. Вот и пришлось партизанам есть хлеб не с солью, а с толом.

Затем взрывчатка была заложена под рельсы, и полетел под откос тринадцатый по счету эшелон. Партизаны вскоре забыли и о холодной осенней ночи, и о томительном ожидании под дождем, а вот эпизод с хлебом и толом запомнился.

Читая книгу «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны», я обратила внимание на донесение заместителя командира партизанского отряда № 128 Могилевской области И. Е. Маркова Бобруйскому подпольному межрайкому КП(б)Б. В докладной Маркова перечислены по дням диверсионные действия отряда за сентябрь 1942 года.

«№ 202

Донесение пом. командира партизанского отряда № 128 Могилевской обл. И. Е. Маркова Бобруйскому подпольному межрайкому КП(б)Б о боевой деятельности отряда в сентябре 1942 года.

15 октября 1942

Довожу до Вашего сведения, что отрядом № 128 с 1 сентября 1942 года по 1 октября 1942 года проделано нижеследующее:

- сентября 1942 года обстрелян и зажжен бронезажигательными пулями 1 эшелон с горючим между ст. Приямино и Крупки.
- сентября 1942 года взорван эшелон с техникой и горючим (район Красной Горки).
- 22 сентября 1942 года взорван эшелон с людским составом в районе Троцилово Монастыри.
- 28 сентября 1942 года взорван эшелон сборный в районе Бобр Крупки.
- 29 сентября 1942 года взорван эшелон сборный в районе Нача Крупки. Взорвано автомашин за сентябрь месяц всего 9 шт.

Пом. командира партизанского отряда № 128 М а р к о в » .

И тут мне невольно припомнились аккуратно отрезанные бритвой страницы рукописного журнала. Как знать, может быть, на листке в клетку сорок лет назад было написано официальное донесение помощника командира 128-го отряда. Из отчета Маркова видно, что осенью сорок второго патриоты пускали под откос вражеские эшелоны почти каждую неделю.

Битва на рельсах протекала в напряженных, сложных условиях. Из письма партизана В. Ф. Градунова, в частности, видно, насколько немцы усилили охрану железной дороги. Каждый километр пути патрулировался солдатами. Группы из трех человек ходили по определенным участкам пути, через каждые 200—300 метров они встречались, затем расходились. С интервалом в километр-полтора были устроены постоянные огневые точки, а в лесу около дороги выставлены секреты.

В том же письме Градунов рассказывает, как проходила, операция на железнодорожном перегоне между станциями Татарка — Ясень.

Темнело. Группа из пяти бойцов к линии железной дороги подошла незамеченной и начала вести наблюдение. Когда диверсанты увидели приближающийся эшелон, Градунов заминировал путь и вернулся к тыловому охранению. Но поезд прошел, а взрыва не последовало, часовой механизм не

сработал. Через некоторое время бойцы заметили огни второго эшелона. Раздумывать некогда, Володя поставил на боевой взвод противотанковую мину и поспешил к железнодорожному полотну. За ним на расстоянии двигались партизаны, прикрывая своего командира.

Градунов осторожно и медленно ползет к заминированному им же участку. Осталось не более двух метров, и тут он видит, что прямо на него идут три немецких часовых. Что делать? В руке мина на боевом взводе. Малейшая неосторожность может привести к взрыву. Уйти незамеченным невозможно. Первая мысль была — лечь на рельсы и взорваться вместе с эшелоном. Неужели нет другого выхода? Градунов заметил, что винтовки у патрульных солдат были на плече за спиной. Это обнадеживало. Приготовив карабин с глушителем и пистолет, Владимир замер. Когда один из часовых, увидев па путях неладное, повернулся к напарникам, Володя в тот же миг выстрелил. Двух других сразили пули партизан.

Паровоз осветил огнями железнодорожные пути; партизан заметили, но уже было поздно. Машинист затормозить не смог. Подрывники успели перебраться через ров, и в то же мгновение в небо взметнулся столб огня.

На всю жизнь запомнил эту октябрьскую операцию Градунов, но в конце письма Владимир Федорович с сожалением пишет: «Не могу назвать... забыл, кто еще из товарищей был тогда в группе».

Фамилии его товарищей подсказала партизанская летопись. В своих выписках нахожу статью командира разведывательного отряда группы Петра Евсеева об октябрьских диверсиях. Отмечаю на карте Белоруссии железнодорожные станции и возвращаюсь к осени 1942 года.

Градунов, Галкин, Ляшенко поползли к железнодорожному полотну между станциями Татарка — Ясень. Малахов, Ежков остались для наблюдения. Все было готово к взрыву, но пронеслись два эшелона, и только третий взорвался. Обломки загородили обе колеи. Это произошло 12 октября в 21.00.

Заметка в партизанской тетради не только сохранила фамилии участников диверсии, но уточнила еще одну деталь. Оказывается, по заминированному участку проследовали два состава, а не один, как запомнил Градунов, — и только третий слетел под откос.

Накопленный опыт многих партизанских отрядов и бригад, действовавших успешно в белорусском крае, позволил в августе 1943 года провести необычную по размаху операцию на железнодорожных магистралях республики, вошедшую в историю под названием «Рельсовая война».

* * *

Еще в Париже, переписывая страницы журнала, я невольно заметила, что о житейских проблемах, в том числе хозяйственных, говорится очень немного. А ведь помимо боевых операций были еще заботы о хлебе насущном.

В условиях военного времени в тылу врага обеспечивать отряд продовольствием можно только при широкой поддержке местного населения.

О том, как встречали белорусские жители приезжавших к ним партизан и какую помощь им оказывали, рассказывает заметка Калабина «Зима нам не страшна».

В деревне бойцов ожидали крестьяне с провизией. Делились и продуктами, и вещами. Так, молодая девушка подарила связанные ею шерстяные варежки. Загрузив все на подводы, крестьяне стали расспрашивать о положении на фронтах, а потом пошла беседа по душам.

- Хлопчики, а зачем вы девчат с собою возите, обращается к партизанам бойкая женщина, неужто они вам чем-то помогают?
 - Они, тетка, вместе с нами фашистов бьют.
- Да, если бабы взялись воевать, то плохо Гитлеру будет! изрек дед под дружный смех окружающих.

Случалось, что целые семьи покидали деревни и уходили в лес к партизанам. Тяжело было решиться оставить свой дом, за порогом которого обрывалась вековая связь крестьянина с кормилицей-землей. Тяжело, но приходилось.

Об одной такой семье, чей старший сын Иван Марков был помощником командира 128-го отряда, мае стало известно из писем партизан.

Оказывается, в отряде находились также отец, мать, две сестры — Анна и Мария — и младший брат.

Однажды родители вместе с младшим сыном (из-за болезни он ходить не мог, и его, двенадцатилетнего, носили на руках) очутились неподалеку от родной деревни и решили заглянуть в свою хату. На обратном пути в отряд их заметили немцы и стали преследовать. С больным мальчиком далеко Марковы уйти не могли. Между родителями возник спор: кому оставаться, кому уходить. Остался отец, и, конечно, оба были убиты. Мать, узнав о случившемся, с горя места себе не находила. Она была готова руками душить оккупантов, чтобы отомстить за мужа и сына.

Дочери Мария и Анна стали партизанками. Сестры Марковы ходили в разведку, помогали хозяйствовать, участвовали вместе с братом в различных боевых операциях.

В книге «Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» приведено выступление Марковой о боевых делах женщин 128-го отряда. Одна из сестер была послана на совещание партизанок Белоруссии, где, как свидетельствует сохранившаяся стенограмма, сказала следующее. Маркова: «У нас в отряде женщины все изучили оружие, многие участвуют в боевых операциях. Но я считаю, что женщины себя могут показать не только в отдельном женском отряде, они могут показать свой героизм и в отрядах, существующих ныне».

Через некоторое время погиб и старший сын. Беда пришла, как бывает в подобных случаях, неожиданно. На рассвете дом, где заночевал Иван Марков,

окружили немцы. Перестрелка длилась, пока были патроны. Последнюю пулю он сберег для себя,

«Иван — геройский парень — красавец!» завершает письмо Синюкаев. В отрядном журнале неоднократно упоминается об отваге Маркова — он назван тепло, ласково: Ванюша. Любили партизаны своего командира. Марков жил достойно и столь же достойно ушел из жизни, и осталась о нем память хорошая, добрая.

В Белоруссии, где в лихую годину погибло свыше 2 миллионов 200 тысяч человек, помнят и чтят военное прошлое как-то по-особенному бережно. Похоронили Ванюшу Маркова в лесу неподалеку от дороги. Прошло сорок дет, но каждый раз, как приезжают партизаны, над могилой командира звучит оружейный залп.

* * *

Из двадцати заметок отрядной тетради две посвящены событиям, касающимся судеб всех партизанских отрядов Кличевской зоны в 1942 году на Могилевщине.

Оказывается, этот район еще в марте сорок второго был полностью освобожден партизанами от вражеских гарнизонов. Один из тех, кто поднимал освободительное движение в Могилевской области, — Петр Матвеевич Викторчик, — в своих воспоминаниях описывает, как на совещании командно-политического актива партизанских отрядов была восстановлена Советская власть в районе, а он с 3 апреля стал председателем райисполкома.

В целом районе Белоруссии, в глубоком тылу врага, существует Советская власть! С этим гитлеровцы примириться не могли. Был разработан план ликвидации партизанского сопротивления, и в июле против партизан выступила карательная экспедиция с многозначительным названием «Адлер».

О том, какие тяжелые и упорные бои шли в течение месяца, когда партизаны противостояли 36-тысячной группировке, состоявшей из регулярных вражеских частей, подробно рассказал свидетель подлинных событий П. Викторчик в книге «Над Ольсой-рекой».

128-й отряд наравне со всеми отрядами Кличевского партизанского соединения делил тяготы, лишения и опасности, которые пришлось им пережить в это время. Вражеское кольцо сужалось, продукты, боеприпасы были на исходе. Росли потери. В лагерях скопилось много раненых. В этих условиях командование партизанского соединения приняло решение об отходе в лесной массив Усакино, расположенный за пределами вражеского кольца.

И хотя в заметке чуть больше десятка фраз — можно представить, каких усилий стоило партизанским ударным группам прорвать оборону противника, вывезти раненых и закрепиться на новых базах.

Операция «Адлер» потерпела провал.

За лето границы действий партизан заметно расширились. Тыл врага стал еще более неспокойным. Взрывы. Днем и ночью диверсии. Взлетали мосты, падали под откос фашистские эшелоны. Иногда движение по магистрали Москва—Минск приостанавливалось на несколько суток, пишет в отрядном журнале комиссар М. Ф. Сперанский.

Осенью 1942 года немцы предприняли еще одну попытку окружить и уничтожить партизанские отряды. Операция была назначена па 15 октября, возглавлял ее немецкий генерал-майор. Были подтянуты войска. Противник занял ряд окраинных деревень у лесных массивов. Вновь партизаны оказались во вражеском кольце. Трудным, очень трудным был прорыв осенней блокады для партизан отрядов Кличевской зоны.

Из рукописного журнала видно, что 128-му отряду выйти из окружения во многом помог военный опыт начальника штаба С. Г. Елецкого. В той же статье приведено любопытное признание немецкого солдата, немного говорившего по-русски. Он рассказывал крестьянам:

— Окружили партизан. Смотрим. Туда дорожка, сюда дорожка, а партизан «нихтс». Где искать? Где ловить? Неизвестно.

Действительно, партизан было трудно найти, но зато легко можно расправиться с безоружным населением, и немцы истребили почти всех жителей деревень Гумны, Ухвалы, Красное... То самое Красное, что не удалось найти на карте в атласе, изданном вскоре после войны...

Известно, что фашисты в оккупированных ими странах ввели одну из самых жестоких форм подавления сопротивления — систему расстрела заложников, преимущественно мужчин. Но в тех районах Советского Союза, что оказались временно под властью врага, там, где действовали партизанские соединения, «высшая раса" уничтожала практически все мирное население, включая грудных детей и беспомощных стариков. Только в Белоруссии за время оккупации были истреблены вместе с населением сотни деревень, сожжены тысячи!

Хроника периода Великой Отечественной войны это документально подтверждает, храня кадры бесчисленных пепелищ некогда цветущих деревень. Они удивительно напоминают один из любимых акварельных этюдов небезызвестного Адольфа Шикльгрубера — будущего фюрера нацистской Германии: одиноко торчащую печную трубу на фоне сельского пейзажа. Не тогда ли в неустойчивой психике честолюбивого ефрейтора зарождались мысли о жизненных пространствах, где не оставалось места для неарийцев?

Человечество за эти расистские бредни заплатило непомерную цену. О гибели беззащитных жителей в 1941 — 1945 годах напоминают в наши дни колокола Хатыни, скорбная мать Пирчюписа и многие другие мемориалы, увековечившие память жертв.

«По фашистам огонь» — так называется последняя заметка партизанского журнала. Письмо об этом бое прислал Михаил Георгиевич Федоров — партизан и позднее командир взвода 128-го отряда. Он не только описал, как происходили боевые действия, но и схему приложил.

В моем же блокноте — всего несколько строк. Их я успела набросать в последнюю минуту, уже после окончания занятий.

«Комсомолец Михаил Ульянов... В засаде па шоссе Могилев—Минск... Заместитель командира отряда Марков крикнул: «Ложись!»... Партизан Казимирский...»

Рассматриваю план, составленный с большой тщательностью. Там обозначены лесок, кустарники, два поселка и дорога, соединяющая их. На схеме стрелками указаны пути наступления и отхода, а также вражеская автоколонна на магистрали...

И здесь я с особой остротой почувствовала, поняла, как помнят бойцы тех лет каждый бугорок, поляну, землянку, рощицу, которые пришлось им защищать.

Читаю пояснения к плану. На дороге Минск—Могилев появилась машина. На ней, как пишет Федоров, ехали гитлеровские разведчики. Этот фургон партизаны подбили, уничтожив десяток фашистов. Вскоре показались еще три машины. Партизаны (их было тринадцать) завязали бой. Немцы, выскочив из грузовиков, решили взять отряд в клещи.

В заметке «По фашистам огонь» рассказывается об этом неравном бое. Гитлеровцы окружили партизан с двух сторон. На левом фланге бойцы отступили. Федоров был на правом. Стоял за сосной и вел огонь. Подбежал Герасим Казимирский и передал приказ командира об отходе. В этот момент метрах в пятидесяти от Федорова поднялись пять фашистов. Хотел он дать по ним автоматную очередь, но в диске кончились патроны. Федоров бросил автомат Казимирскому и крикнул, чтобы тот перезарядил. Сам Михаил Георгиевич выхватил пистолет и стал отстреливаться. Затем партизаны решили вновь атаковать врага с тыла. Но немцы побоялись углубляться в лес. Они и так потеряли около двух десятков убитыми и ранеными. Бросив подбитую технику, гитлеровцы на уцелевшей машине укатили в сторону Могилева.

Был на исходе 1942 год. Судьба нашей страны и всей Европы в это время решалась под Сталинградом. И хотя до Победы было еще далеко, но теперь уже гремел по фашистам не оборонительный, а наступательный огонь!

Перевернута последняя страница партизанской хроники событий июля—ноября 1942 года. Но вот почта принесла новую бандероль. Сын С.Г.Елецкого, командира отряда-бригады, прислал воспоминания бывшего начальника штаба Н. И. Чернова о соединении 14-й Темнолесской партизанской бригады с частями Красной Армии. Видно, хранились записи ветерана в семейном архиве. Однако, прежде чем перейти к последней боевой

операции партизанского соединения в тылу врага, посмотрим на расстановку сил на советско-германском фронте к осени 1943 года.

После победы советских войск под Сталинградом настал перелом в Великой Отечественной войне. На юге страны фронт стремительно продвигался на запад, немцам пришлось оставить Кавказ. Под Курском и Белгородом летом 1943 года бесславно закончилась их операция «Цитадель». Преследуя противника, передовые советские части в сентябре вышли к Днепру. Войска Калининского, Западного и Брянского фронтов успешно провели ряд наступательных операций против группы армий «Центра, затем, взяв Смоленск и Брянск, начали освобождение земель Белоруссии. Здесь войска Красной Армии вышли широким фронтом к реке Сож, но на западном берегу реки немцы организовали глубокую, прочную линию обороны. В районах расположения партизанских соединений все населенные пункты и важные стратегические рубежи были заняты войсками противника, партизаны лишились почти всякой маневренности.

Командир 14-й Темнолесской бригады Елецкий и комиссар Сперанский приняли решение: чтобы спасти личный состав бригады — идти на соединение с частями Красной Армии, находившимися па восточном берегу Сожа. Но сначала следовало найти наиболее уязвимое место в обороне немцев. Этим занялась группа разведчиков.

Операция была назначена в ночь с 27 на 28 сентября.

Итак, нужно было преодолеть двадцать километров в тылу врага с обозом тяжелого вооружения — пушками, минометами, станковыми пулеметами. Этот путь партизаны прошли незамеченными не только противником, но и местным населением. Расположилась бригада — тысяча человек, в том числе 60 раненых — в небольшом лесочке, всего в двух километрах от основной линии обороны немцев. Теперь важно было не выдать свое присутствие, так как гитлеровцы могли в любую минуту обрушить на партизан танки и авиацию.

Весь день, находясь буквально под боком у фашистов, бойцы готовили подручные средства для переправы. Мастерили плоты, плели тросы из веревок, подыскивали лодки.

28 сентября в 21.30 по сигналу командира бригады Елецкого началась атака вражеских позиций. 128-й отряд действовал по центру обороны. Первыми в окопы противника с тыла ворвались штурмовые группы. Атака была настолько стремительной и внезапной, что немцы не смогли организовать сопротивления. Горели вражеские автомашины, фургоны, склады с бензином, снаряжением. Через час фашисты прекратили сопротивление, потеряв свыше 150 солдат и офицеров.

Но партизанской бригаде предстояла задача не менее сложная, чем прорыв обороны, — форсирование реки Сож с обозом, ранеными и пленными.

Для переправы раненых и тех, кто не умел плавать, были использованы плоты и лодки. Переправлялись разными средствами — на бревнах, вплавь, цеплялись по два-три человека за лошадей. Были переброшены также канаты

с одного берега на другой. Помимо всего надлежало доставить пулеметы и минометы па восточный берег, чтобы, в случав нападения немцев, оказать помощь форсирующим реку партизанам. Всю ночь продолжалась переправа и закончилась полностью к семи часам утра.

1 октября партизаны встретились с армейской разведкой, наконец-то произошло долгожданное событие — соединение партизанских частей с войсками Красной Армии. И бывшие партизаны 128-го отряда 14-й Темнолесской бригады прошли еще много дорог и свершили немало подвигов на фронтах Великой Отечественной.

Мысленно возвращаюсь к посещению клуба в Париже. Если бы я пришла на день раньше или на час позже, то никогда бы не узнала о существовании партизанской тетради. Но мы не разошлись даже минутой!

Обнаруженный журнал принадлежал целому отряду. По сути это — исторический документ. В нем упомянуто 60 фамилий бойцов и командиров. Дневник убедительно показывает, что на битву за свободу своей страны поднялся весь советский народ. В отряде плечом к плечу сражались белорусы, русские, украинцы и представители других национальностей нашей Родины.

Журнал охватывает всего пять месяцев борьбы партизанского сопротивления, по он отражает один из важных периодов в истории Отечественной войны — начало объединения и координации всех партизанских соединений в тылу врага. 30 мая 1942 года при Ставке был создан Центральный штаб освободительного движения, который, под руководством П. Пономаренко, возглавил вооруженную борьбу на временно оккупированной территории. Задачи, поставленные перед всеми партизанскими соединениями на лето 1942 года (уничтожение боевой силы и техники противника, срыв его снабжения, отвлечение сил врага на охрану тыла и др.)» как в зеркале отразились в боевых действиях 128-го отряда «Гроза». За лето 1942 года его бойцы успешно освоили технику диверсий на железных дорогах и причинили большой ущерб снабжению немецкой армии. Партизанские соединения Кличевского района дважды (летом и осенью 1942 года) оттягивали на себя крупные силы регулярных войск противника, ослабляя тем самым наступательный порыв вражеской армии на основных участках фронта. Местные боевые действия партизан по ликвидации обозов, небольших групп осенью 1942 года сменились крупными операциями уничтожению целых гарнизонов противника. Охранные тыловые части немцев уже не могли справиться с нарастающим сопротивлением, и все больше войск приходилось оставлять на оккупированной территории для поддержания «нового порядка».

О размахе партизанского сопротивления в Белоруссии можно судить по следующей официальной справке. За годы войны партизанами было уничтожено, ранено и взято в плен около полумиллиона солдат и офицеров противника, организовано более 11 тысяч крушений поездов, взорвано свыше

5 с половиной тысяч мостов и выведено из строя около 19 тысяч автомашин. Эти цифры отражают суровую, самоотверженную борьбу против немецких захватчиков всех партизанских соединений белорусского края, в том числе и 128-го отряда.

...Там, во Франции, казалось почти невероятным, что оживут страницы партизанской тетради. А уж о том, что через год состоится встреча с одним из героев партизанской летописи... Вспоминаю слова Жаклин: «Сколько лет прошло».

Декабрь 1982 года. День растворялся в освещении уличных фонарей, витрин, реклам. Мы идем по старой московской улице с Михаилом Алексеевичем Синюкаевым и говорим, говорим...

В квартире Синюкаевых уютно, современно, светло. Передаю Михаилу Алексеевичу сначала выписки из отрядного журнала. Очень неторопливо и внимательно читает бывший командир взвода партизанского отряда. Изредка комментирует содержание, некоторые фамилии. Но вот Михаил Алексеевич переворачивает страницу, где следует описание белавичского боя. И тут я понимаю, что значат для него эти строки. Текст рукописной тетради помню почти наизусть, так что лишь изредка взглядываю, на каком месте находится Михаил Алексеевич. Когда я посмотрела на него — мне показалось... Нет, не показалось! Не было рядом со мною сегодняшнего Михаила Алексеевича. Кто-то другой из далекого-далекого прошлого сострадал и волновался.

— Вам трудно?

На виске у Михаила Алексеевича часто пульсировала, билась жилка. Он прерывисто вздохнул и устало проговорил:

— Сейчас я заново пережил тот бой... В Белавичах...

Я достала свои заметки об истории отряда, чтобы ознакомить с ними Синюкаева, и время вновь переместилось на сорок лет. Сколько длилось чтение — трудно сказать, с последней строкой у меня полностью сел голос. Молчал Михаил Алексеевич — я тоже. В квартире стало очень тихо.

Долго в тот вечер рассказывал Михаил Алексеевич о своих боевых друзьях. Были истории трагические, ситуации почти невероятные, а иногда забавные. Например, «банный день», который Михаил Алексеевич с Иваном Мелицким решили себе устроить.

В деревне, где не было немцев, они пошли в баньку. Сидят на полке довольные, переговариваются да пару подбавляют. Благодать!

Вдруг со стороны леса баню стали обстреливать. Они к окошку — ничего не видно, а пули одна за другой со звоном в бревна впиваются. Выскакивают партизаны в предбанник, пытаются на мокрое тело белье натянуть — не получается. Выбежали голышом. А вокруг бани крапива метровая да тучи комаров гудят. Пришлось залечь за пулеметы. Пока отстреливались, комары поедом заели.

— Отогнать мы их не могли, — улыбается Михаил Алексеевич, — а они и рады стараться.

Ну а когда все утихло, пошли партизаны домываться. Уж очень горело тело от крапивы и укусов комаров.

Запомнился полный драматизма рассказ о том, как десантная группа во главе с А. К. Спрогисом, заброшенная ночью в тыл врага, была обнаружена гитлеровцами. Спрогис и одна из разведчиц приземлились благополучно, а вторая девушка зацепилась парашютом за верхушки деревьев. Нужно срочно уходить в лес, а разведчица никак не может освободиться от запутавшихся строп... В темноте высоту определить трудно, да и времени не было. Она решила перерезать державшие ее стропы. Падение неудачным — разведчица сломала обе ноги. Группа не могла оставить беспомощную девушку, а немцы близко. Завязался бой. Ранен в живот Спрогис. Туго перевязав себя полотенцем, он продолжал отстреливаться.

— Уходите, быстрей! — услышали разведчики девичий голос, и в тот же миг раздался выстрел.

Всю ночь десантники пробирались по лесу и к утру оказались близ партизанской базы. Имени мужественной девушки Синюкаев не знал. Уходя в разведку в тыл врага, воины оставляли на Большой земле свои документы и становились безымянными бойцами невидимого фронта.

Как сложилась дальнейшая судьба А. К. Спрогиса — Михаилу Алексеевичу было неизвестно. Но в поиске еще раз помог случай.

...Экскурсия ленинградцев в Риге заканчивалась посещением мемориала имени Яна Райниса. Совсем неподалеку от памятника известному латышскому поэту, чуть в стороне стоит скромная каменнаая стела; на ней надпись: «Здесь похоронен Спрогис Артур Карлович».

Первая мысль — обратиться в Латвийский государственный архив и узнать более подробно о Спрогисе. Но день был воскресный, а вечером нужно уезжать.

Из Ленинграда отправляю письмо-запрос в Ригу. Вскоре пришел ответ: «После окончания войны А. К. Спрогис работал в ЦК КП Латвии и Совете Министров Латвийской ССР.

Спрогис награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, медалью и орденом Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалью "За оборону Москвы"».

Артур Карлович Спрогис прожил большую жизнь Настоящего Человека. Умер он 3 октября 1980 года.

Вспоминал Михаил Алексеевич небольшие эпизоды из партизанской жизни, а потом рассказал о своем друге, читинце Васе Вороненко.

В 1941 году после тяжелого боя, оставшись один (окруженец, как их тогда называли), Василий нашел сбитый советский самолет, снял с него пулемет ШКАС — способный давать до 1200 выстрелов в минуту, — забрал все боеприпасы и пошел воевать в одиночку. Вооружен был на целый взвод. Вскоре к нему присоединился еще один окруженец. Вместе они уничтожали обозы, патрульные группы противника, устраивали засады. Боевой товарищ Василия в одной из стычек был убит, а Вороненко в дальнейшем вышел на 128-й отряд «Гроза» и был очень хорошо встречен в партизанском лагере. В боях Василий проявлял необыкновенное бесстрашие. И была у него поговорка: «Да чтоб надо мной поганый фашист был?»

Однажды летним днем в 1943 году ждали Василия с боевого задания. Вдруг Михаил Синюкаев услышал неподалеку от базы глухой взрыв. Побежал к тому месту и увидел, что лежит Вася, бок у него разорван и видны обожженные легкие. Испугало то, что при такой зияющей ране крови не было.

Оказалось, что автомат, висевший на шее Вороненко, ударял по карману его френча, где находились взрыватели для мин, патроны «ТТ», и это все взорвалось. Сколько же этот человек геройского свершил, сколько раз смерть обходила его, а вот теперь умирает по воле глупого случая.

- За всю войну, говорит Михаил Алексеевич, я во второй раз заплакал... Но не погиб Вася. Его самолетом отправили в Москву. Поправился сибиряк. Не так давно приезжал в гости.
- Михаил Алексеевич, может, сохранились у вас фотографии военных лет?
- Увы! Ни одной. Да и не фотографировались тогда. Не до того было. Но послевоенные...— На столе появляется пачка групповых снимков.

В течение многих лет ежегодно приезжают ветераны со всего Союза в Белоруссию на встречу с боевыми друзьями.

Раскладываю фотографии по годам. Значит, вот как выглядят ветераны 128-го отряда! Трудно представить, какими они были в 1942 году, и потому особенно внимательно рассматриваю лица партизан, знакомых мне только но фамилиям и их судьбам.

— В центре,— поясняет Михаил Алексеевич,— отважный политрук, в прошлом студент литературного факультета Ленинградского университета — Борис Тихонович Шумилин. Бывший редактор рукописного партизанского журнала дослужился до звания генерал-полковника.

Справа — Лев Анатольевич Астафьев, один из тринадцати бойцов первой группы 128-го отряда «Гроза». Член редколлегии — художникоформитель. Узнаю, что Астафьев работает инженером. Выходит, посвятил себя технике, а не искусству. Только с рисовальным карандашом — уверена — не расстается.

Совершенно неожиданно выясняется, что заместителем редактора отрядного журнала был Владимир Федорович Хухряков. В редакционном составе за 1942 год он не указан, но именно Владимиру Федоровичу принадлежит красивый, четкий почерк. Кстати, далеко не последним фактором для сохранения тетради было ее тщательное оформление — выразительные рисунки и каллиграфическое письмо. Живет В. Ф. Хухряков в Могилеве.

Николай Иванович Чернов! Глядя па энергичное лицо, можно согласиться с мнением боевых товарищей, что это человек, «родившийся в рубашке». Не один раз пули свистали над его головой, но прошел войну Николай Иванович без единой отметины.

Степана Григорьевича Елецкого — командира партизанской бригады — на фотографии нахожу сразу. О Степане Григорьевиче очень хорошо написал в письме живущий в Могилеве партизан Павел Матвеевич Ясский: «Многоуважаемый всеми!»

А вот и комиссар бригады Михаил Федорович Сперанский — один из основателей 128-го отряда «Гроза». С именем Елецкого и Сперанского связаны почти все военные события отряда-бригады. Из писем ветеранов мне уже известно, что Михаил Федорович Сперанский умер в 1981 году.

Спрашиваю о командире отряда, члене редколлегии журнала М.С. Сердюке. Оказывается, убит Михаил Спиридонович в сорок четвертом, под Варшавой.

Командир разведывательной группы Петр Евсеев скончался уже после войны. А судьбы бойцов-подрывников сложились по-разному.

В верхнем ряду вижу В. Ф. Градунова. У Владимира Федоровича сухощавое, с правильными чертами лицо. Похож! Очень похож на кубанского казака.

Политрук 128-го отряда М. В. Малахов проживает в Минске. После войны он работал механиком на заводе. Ему присвоено звание заслуженного работника промышленности БССР. Сейчас Михаил Васильевич — персональный пенсионер республиканского значения.

Отважный командир 128-го отряда «Гроза» В. П. Свистунов в конце 1942 года был отозван в Москву. Затем он воевал на различных фронтах Великой Отечественной. Дальнейшая судьба Василия Павловича, чьи бесстрашные и рискованные операции наводили страх па оккупантов, неизвестна.

- 3. К. Бойко, политрук 128-го отряда, после войны работал председателем колхоза. Но прожил Захар Кондратьевич недолго.
- С большой теплотой отзываются партизаны об Иване Рысьеве из Кричева, Павле Матвеевиче Ясском, ставшем впоследствии командиром 126-го отряда, читинце Васе Вороненко и Михаиле Георгиевиче Федорове из Ростовской области, который в июне 1943 года принял командование 127-м отрядом.
- Хотелось бы рассказать и о других,— проговорил задумчиво мой собеседник, читая список фамилий из отрядного журнала,— только, к сожалению, их судьба осталась неизвестной.
- Но об этом партизане, показываю на фотографию, вы могли бы вспомнить немало...
- Что же о себе сказать... Я как все...— произнес один из героев партизанской летописи.

Быстро пролетели три вечера воспоминаний. Мы прощаемся с Михаилом Алексеевичем. На перроне Ленинградского вокзала скорый поезд неторопливо принимал своих пассажиров. Прошла группа туристов в меховых шубах. По обрывкам фраз поняла, что жалуются французы на погоду. Они ожидали лютых морозов, сугробов снега, а идет дождь. В Париже год назад тоже моросило...

И закрутились в обратном порядке дни, недели, месяцы.

…Никогда не приходилось мне получать столько писем. И каких! Трудно объяснить чувства, испытанные при чтении писем-исповедей. Почти за каждой строкой — чья-то судьба, а иногда — жизнь. Партизаны делились

своими воспоминаниями о боевых действиях товарищей, называя их дела героическими. Но ведь и сами пишущие принимали участие в этом. Анализ партизанского журнала, сопоставление его с имеющимися документами и воспоминаниями участников описываемых событий помогли подтвердить его подлинность.

Одной из самых прочных оказалась память о совместно пережитых испытаниях, В своих записях и рассказах ветераны донесли дыхание военных лет. В письмах партизан и заметках журнала отдельные фразы часто совпадали текстуально, Память хранит многие события сорокалетней давности...

* * *

Многое нам стало известно, но путь рукописной тетради за границу остается до конца не разгаданным. Никто из партизан не предполагал, что их отрядный Журнал за 1942 год попал в другую страну, и считали его просто утерянным.

Партизанские соединения ПО составу бойцов были интернациональными. В них входили не только представители разных национальностей наших республик, но также и стран, вовлеченных в войну против Советского Союза. В партизанские отряды иностранные солдаты попадали различными путями и, оказавшись в них, вели непримиримую борьбу вместе с советскими бойцами против немецких оккупантов. Француз Леон Верден заявлял: «Мы, французы, вынужденные воевать против Советского Союза, повернули оружие против общего врага — гитлеровской Германии, чтобы уничтожить фашизм и освободить весь народ от этих которые называют себя национал-социалистами». интернациональных партизанских группах упоминается в Белорусской советской энциклопедии. В одном из разделов помещена фотография партизан, на которой запечатлены немецкий антифашист Герберт Дитц, французский солдат Альберт Барбиш, украинец Г. А. Рыбалко и русский С.С.Крючков. В составе этих групп воевали также испанцы и словаки.

Одним из ярких примеров совместной борьбы против нацизма является заявление о приеме в комсомол бывшего парижского студента Жана Роберта.

«Я, Жан Роберт, партизан отряда им. Щорса, клянусь честью, что постараюсь быть настоящим коммунистом... Если мне придется умереть, то я умру за Россию, за Францию».

Предположение партизан сводится к следующему: когда партизанские отряды слились с частями Красной Армии, то оказавшиеся в Советском Союзе французы, по согласованию с союзным командованием, были переправлены во Французскую армию Сопротивления генерала де Голля. Не исключено, предполагают ветераны, что некоторые экземпляры партизанских отрядных журналов могли быть подарены французским камарадам на память. Годы совместной борьбы против общего врага сдружили многих, а такой подарок мог получить только настоящий друг.

Тогда, вероятно, не очень задумывались о том, как много будут значить для нас эти страницы, ставшие теперь Большой Историей. Сегодня мы пристально изучаем все, что связано с событиями военных лет. История — это всегда люди. И о них — людях, вершивших не только историю войны, но и будущего мира, — мы хотим знать полнее и больше.

Бывшие партизаны 128-го отряда «Гроза» задают вопрос: возможно ли вернуть тетрадь на Родину? На наш взгляд, не только можно, но и нужно это сделать в память о тех борцах, которые успешно сражались против нацизма за мир на земле. И верится, что она займет достойное место в одном из музеев боевой партизанской славы.

Париж—Ленинград 1982-1984

P. S. Рукопись уже находилась в редакции, но жизнь неожиданно напомнила о героях партизанской тетради.

В газете «Советская Россия» 13 апреля 1984 года помещены воспоминания переводчицы Е. А. Паршиной. Оказывается, она работала вместе с Артуром Спрогисом в 1936 году в Испании. Из рассказа Елизаветы Александровны узнаю некоторые подробности биографии Спрогиса. Военный советник по войсковой разведке республиканской армии Испании, старший лейтенант Спрогис вместе с командиром партизанского отряда Хосе обучали бойцов интернациональных бригад, придерживаясь основного метода — «Делай, как я!» Другими словами, они всегда шли первыми. Переводила команды и распоряжения советника сеньорита Хосефита — Е. А. Паршина.

На фотографии, помещенной в газете, у Елизаветы Александровны на груди ордена Красного Знамени и Красной Звезды, а у старшего лейтенанта А. К. Спрогиса — орден Ленина и орден Красного Знамени.

В 1984 году Артуру Карловичу Спрогису исполнилось бы восемьдесят...

Идет время, но герои партизанской летописи навсегда остаются в нашем сознании молодыми бойцами сороковых годов. И в этой их вечной молодости заложено бессмертие поколения, защищавшего свою Отчизну,

В 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга комиссара отряда-бригады М. Ф. Сперанского — «Партизанскими тропами». Михаил Федорович — один из основателей 128-го партизанского отряда «Гроза» — вспоминает события далеких военных лет. В рассказе участника партизанского сопротивления нахожу описание ряда неизвестных эпизодов из жизни отряда, из жизни знакомых мне героев партизанского журнала.

А письма от партизан продолжают идти, дополняя живую историю отряда, последняя страница которой пока остается еще не написанной...

От редакции. 22 августа 1984 года в газете «Правда» была опубликована заметка И. Новикова «Тетрадь из Парижа», рассказывающая о находке К. А. Грушевой партизанского журнала 128-го отряда в Париже и о поиске живых свидетелей тех далеких боевых лет. Оказалось, что не все

партизаны получили в свое время боевые ордена, и при содействии Ксении Александровны бывшего партизана Владимира Федоровича Градунова нашли еще две правительственные награды. Борис Тихонович Шумилов, один из членов редколлегии партизанского журнала, ныне генерал-полковник в отставке, выдвинул свою версию о возможном пути журнала в Париж:

— Однажды мы освободили группу французских военнопленных, которых фашисты пригнали в Белоруссию на саперные работы. Французы были вместе с нами, когда партизаны прорвали линию фронта и вышли на соединение с наступавшими советскими воинами. Видимо, кто-то из них увез домой журнал как боевую реликвию дружбы народов Франции и СССР.

Журнал «Звезда». 1985. № 2.